
Сёстры
ночи
Тамира
18+

Тамира

Сёстры ночи

«Автор»
2026

Тамира

Сёстры ночи / Тамира — «Автор», 2026

АННОТАЦИЯТриста лет сёстры несли проклятие, став живым замком, запиравшим Межмирье. Когда древний Волхв Велемир пробуждается и похищает ключ, их единственным союзником становится охотник Драгомир, поклявшийся уничтожить всю нежить. Чтобы закрыть Врата Межмирья, им предстоит пройти три испытания на Празднике Русалий и заплатить цену, которую не измерить кровью: одна из них должна навсегда остаться в Межмирье, став новым замком для древнего зла.Тёмный славянский хоррор о цене закрытия Врат и памяти, которая становится крепче смерти.

© Тамира, 2026
© Автор, 2026

Тамира
Сёстры ночи

АННОТАЦИЯ

Триста лет сёстры несли проклятие, став живым замком, запиравшим Межмирье.

Когда древний Волхв Велемир пробуждается и похищает ключ, их единственным союзником становится охотник Драгомир, поклявшийся уничтожить всю нежить.

Чтобы закрыть Врата Межмирья, им предстоит пройти три испытания на Празднике Русалий и заплатить цену, которую не измерить кровью: одна из них должна навсегда остаться в Межмирье, став новым замком для древнего зла.

Тёмный славянский хоррор о цене закрытия Врат и памяти, которая становится крепче смерти.

ГЛАВА 1. ПРОБУЖДЕНИЕ ВОЛХВА

1.1 СКИТ

Место, где умирают боги, не отмечают на картах.

Скит затаился в расщелине между тремя холмами — туда даже волки не лезут, чуя нечто, что не под силу их звериному разуму. Воздух давил на грудь, оседал в лёгких холодной золой. Птицы над этим местом не пели; вороньё держалось в стороне.

Когда-то здесь жили монахи-отшельники. Из грубо обтёсанного камня они возвели часовню, поставили крест и молились своему богу — безмолвно, с глубокой верой, не тревожа покой окрестного мира. Но бог остался глух. Возможно, услышал, но не захотел вмешиваться.

Теперь от часовни остались лишь стены. Крест рухнул и зарос мхом. Алтарь покрылся сетью трещин, из которых сочилась густая, маслянистая субстанция без названия. Она пахла прелой корой и чем-то сладковатым, как гниль под снегом.

Местные обходили скит стороной. По преданию, прямо под алтарём лежал тот, чьё имя не принято произносить. В безлунные ночи из-под земли доносился напев — не молитвенный, а вывернутый наизнанку. В эту ночь старики оказались правы.

Когда над северными княжествами свирепствовала метель, в скиту воцарилась гнетущая тишина. Снег заносил руины белым саваном. Над распадком висела луна — круглая, жёлтая, похожая на глаз огромного зверя. Её свет падал на алтарь, освещая трещины изнутри тусклым, болезненным светом. Под алтарём раздалось едва уловимое шевеление.

Тело истлело в первые десятилетия заточения. Тем не менее он сохранил себя: воля сжалась до алмазной твёрдости. Он был сгустком гнилой, маслянистой тьмы, пахнущей прелой корой и сладкой гнилью. Плоть то собиралась в чёрный лёд, то расползалась ядовитым туманом.

Велемир.

Ни на миг он не позволял себе уснуть. Он ждал целое тысячелетие, выжидая, когда мир допустит просчёт. Когда хрупкое равновесие пошатнётся. Когда чья-то кровь впитается в землю и пошатнёт печать, скованную той же кровью. Мир проявлял терпение. Он не спешил допускать ошибку. Однако Велемир умел выжидать; само заточение обучило его этому.

"Тысяча лет, — звучало в его груди. — Тысячу лет я слышал, как над моей головой всходит и гибнет трава, как мимо проходят звери и люди, как одно поколение сменяет другое, не ведая, что под ногами покоится древнее зло. Я улавливал их шаги. Их голоса. Их смех. И я питал к ним ненависть за то, что они жили, а я — нет".

И мир ошибся.

Трое беглецов проникли в распадок, сами не понимая, какая сила тянет их в ледяную щель. Их не влекли ни жажда, ни любопытство — ими руководила чужая воля, тонкая, как

паутина, что уже много дней тянулась из-под алтаря. Её голос шептал: "Сюда. Тепло. Укрытие". Они продвигались вперёд, ибо беглецам не требовалось объяснение для поиска убежища. Страх и отчаяние привели их, а тьма, таящаяся под алтарём, лишь выжидала.

— В этом месте, — произнёс старший, оглядываясь по сторонам. Провалы окон старой часовни скалились темнотой. — Проведём здесь ночь. Это всё же лучше, чем оставаться в лесу.

— Мне здесь не по себе, — отозвался младший, мальчик с ещё детским лицом. — Это место мне не нравится.

— Заткнись, — рыкнул Ждан, хмурый мужчина, мрачный, в потёртой шляпе с загнутыми полями, со сломанными зубами и синим клеймом на лбу. — Мы и так промёрзли до костей; будешь жаловаться — выгоню обратно к волкам.

У алтаря они разгребли снег и развели огонь, теснясь друг к другу. Хмурый сел к огню ближе всех — и не вздрагивал на сквозняке. Он подобрался к ним на тракте третьего дня, и они не спросили, откуда он: беглецы не спрашивают. Они не подозревали, что в камне под ногами кто-то уже очнулся. Существо уловило их кровь, их страх и их жалкую, тёплую надежду.

Первым скончался самый молодой — почти мальчик, с лицом, всё ещё сохранявшим детскую округлость. Он лёг у алтаря, подложив под голову котомку, и не проснулся. Товарищи решили, что он просто замёрз. Это было ошибочным заключением: его выпили — медленно, сквозь алтарь, через корни, опутавшие его ноги. Кровь впиталась в алтарный камень, питая печать. Смерть явилась как изнурительное утомление. Он сомкнул веки и уже не раскрыл их. Камень под его головой согрелся: последняя капля стекала туда, где тысячу лет ждал её хозяин.

Вторым умер более старший мужчина — мрачный, со сломанными зубами и синим клеймом на лбу. Посреди ночи он проснулся от странного холода, который шёл не снаружи, а изнутри. Ощущение пронизывало до костей. Он попытался закричать, но голосовые связки окоченели, сведённые невидимой судорогой. Скончался, сохранив вертикальную позу с едва приоткрытым ртом, затем внезапно рухнул. Глаза остались раскрытыми, в них застыл ужас, который тьма поглотила вместе с жизнью.

Один из троих, самый выносливый, вдруг ощутил нарастающую пустоту. Он схватил нож и ринулся к выходу, но путь исчез — проходы испарились, смытые волной морока. Стены сомкнулись вокруг него; камень будто ожил, становясь мягким и податливым. Алтарь раскрылся, словно пасть, и из него хлынула густая, живая и алчная тьма. Она окутала его, не позволив издать крик; возглас застрял в горле и потонул в мраке.

Затем наступила тишина. Слышно было только, как гудит в дымоходе метель.

На полу покоились три тела — опустевшие, словно сброшенная шкура змеи. Их кровь впиталась в камень; страх пропитал воздух. Их души — три крошечных дрожащих огонька — были всосаны в алтарь и поглощены им.

И лишь тогда Велемир почуял, что замок дрогнул. Кровь живых, пролитая в страхе, напитала алтарь, и печать Яромиры пошла трещинами.

1.2 ПОЛУПЛОТЬ

Глаз у него не было, но особое, нечеловеческое зрение позволяло видеть на многие версты вокруг. Заснеженный лес простирался белым и безмолвным пространством. Над головой сияли чужие звёзды и тени Нави — мира мёртвых, из которого нет возврата.

"Я вижу вас, — пульсировало в нём. — Я всегда наблюдал за вами. Даже тогда, когда вы думали, что скрыты от моего взора".

Он различал их прежде всего. Скорее ощущал присутствие: размытые силуэты, дрожащие тени на границе миров. Он знал о них наверняка, о двух нитях, сплетённых в одну и пылающих где-то на севере. Это были дочери Яромиры.

Они расположились у костра в Чёртовом Овраге. Старшая сидела неподвижно, словно ледяное изваяние, но в глубине всё ещё тлела искра боли. Хотя младшую считали умершей, она

выглядела удивительно бодрой и напевала колыбельную, которую ещё не забыла. Эту песню исполняла их мать у печи в Горелове. Он слышал её сквозь землю — из глубины Межмирья, на сотни вёрст тянулись корни его слуха. Так слышат сквозь сон: не слова, а саму мелодию боли.

"Их рождение сквозь землю — дважды за одну ночь мир дрогнул, и я понял: мои ключи родились. Ты стояла у печи и напевала им, не подозревая, что я слышу тебя из-под земли. Не догадывалась, что твои дочери обращены в мои ключи. Но я знал. Я всегда знал".

— Дочери, — произнёс он тихим шёпотом. Голос звучал как скрежет камней, шелест высохших листьев и звон оборванной струны. — Вы повзрослели. Обрели силу. И не догадываетесь, насколько она велика.

Он поднял руку — над ней возник ком чёрной материи, переплетённый белыми ледяными жилками. Сжал кулак. Тьма сомкнулась, превратившись в твёрдую субстанцию, подобную древнему граниту. Лёд охватил пальцы, придав им форму и крепость.

— Три души, — произнёс он. — Двое убиты этой ночью: молодые, горячие, пропитанные страхом до последней капли. Третья — старая. Три десятилетия назад её увели без суда, не услышав её мольбы, — и всё это время мой корень волочил её оболочку по земле, словно цепной пёс. Заложный пришёл на зов сам. Чтобы восстановить целостную плоть, этого мало, но достаточно для начала. Передо мной не обычные души, а жетвы. Ужас и бессилие, охватившие их перед смертью, придали их крови большую ценность, чем любому мясу, а глухой крик из третьей жертвы стал дороже свежей крови. Они не выбрали смерть сами: жизнь у них отняли насильно — в муках и отчаянии, не прислушавшись к их мольбам. Потому их сила перешла ко мне. Ни одна добровольная жертва не дала бы мне такого.

Он извлёк из алтаря три тонкие струйки чёрного дыма и переплёл их, словно пряжу в руках ткачихи. Дым покорно свернулся в жгут и обрёл плоть — не живую, но и не совсем мёртвую. Полуплоть. Хватало, чтобы говорить. Хватало, чтобы навеять морок. Хватало для первого удара.

Он поднялся. Движение было прерывистым, чуждым жизни — так не поднимается ни человек, ни зверь. Тело то сжималось, обретая человеческие очертания, то разрасталось, заполняя весь объём часовни. Он упёрся плечом в каменный свод и толкнул; свод дал трещину. На пол осыпалась каменная крошка.

— Тысяча лет, — произнёс он. — Тысячу лет я ждал. Я слушал дыхание мира и видел, как оно умирает, чтобы возродиться вновь. Я смотрел на вас, на то, как вы плодитесь и умираете, не понимая: ваша жизнь — лишь искра в безмерной тьме.

Подойдя к пробоине в стене, он выглянул наружу. Ночь встретила его молчанием и стужей. Далеко за лесами и горами города и деревни пребывали во сне. Их жители не подозревали, что их время близится к концу.

— Я носил титул Верховного Волхва, — сказал он, и в голосе слышалось еле сдерживаемое рычание. — Я находился по правую сторону от Коловрата — символа непрерывного цикла жизни и смерти. В моих руках были нити, определяющие равновесие. Мне был доступен полный образ происходящего. Моя миссия заключалась в том, чтобы положить конец страданиям. Я стремился создать мир без потерь. Где никто не хоронит детей. Где матери не воют над телами. Я хотел остановить Коловрат — остановить мельницу, что мелет живых в костяную муку. Я предлагал им вечность. А они назвали это предательством.

Он сжал кулак, и воздух вокруг него задрожал, искажая свет луны.

— Меня обвинили в предательстве. Меня заключили в Межмирье — пространстве между мирами, куда даже боги не осмеливаются вступать. Надо мной издевались, держа как бешеного пса. Но мне удалось выбраться. — Полуплоть просочилась сквозь трещину алтаря, щупальце, не тело. — Полное возвращение лишь через Врата. И Врата откроются. Теперь я покажу истинный порядок вещей. Я остановлю этот бессмысленный круговорот, уничтожу границу между Явью и Навью. Всё сольётся воедино, сосредоточится во мне. Навсегда.

Протянув руку к алтарю, он извлёк четвёртый сгусток тьмы — однако на этот раз это была не душа, а нечто иное. Это оказалась его собственная воля, закалённая веками заточения. Сжав её в кулаке, он увидел, как тьма свернулась в шар размером с яблоко. Шар ритмично пульсировал, подобно живому сердцу.

— Отправляйтесь, — произнёс он. Сфера распалась на три фрагмента. — Обнаружьте их. Воспряньте перед тем, что они боятся лицезреть. Подорвите их волю. Как только их решимость ослабнет — я появлюсь. Я отберу клинок. Я возьму их кровь. И я открою Врата, чтобы мир узнал своего подлинного властителя.

Три осколка тьмы взмыли ввысь и устремились на север — к Чёртову Оврагу, где угасал костёр двух сестёр-вампирш.

В часовне остался лишь запах озона и гнили. Велемир просочился обратно сквозь трещину алтаря — домой, в Межмирье, к порогу Трещины. У разлома он остановился и устремил взгляд в ночное небо.

"Тысяча лет, — прошептал он; в его голосе слышалось торжественное ликование. — Тебя я ждал, мир. Теперь я жду лишь знака".

1.3 МОРОК

Память вампира — странная вещь.

Яркие образы детства не тускнеют. Они застыли в янтаре навьего проклятия: запах сушёных яблок в горнице, заливистый смех брата Гориславa, руки матери, перебирающие сухие травы. Всё это живёт в ней — как камни на дне реки, неподвижно, но не мёртво.

Но всё, что было потом — после казни, после той ночи в Горелове — превратилось в мозаику из острых осколков. Крик толпы. Холод помоста. Запах горящего дерева. Лица палачей и зевак стёрлись, расплылись, будто сама Навь не желает хранить их в памяти. Остались только силуэты и чувства: страх младшей, ледяное спокойствие старшей и собственное бессилие.

Сон пришёл к ним одновременно.

Зоряна не спала — заложным покойникам не нужен сон, их разум точит лишь память о последнем миге. Её тело не нуждалось в отдыхе, но разум требовал передышки. Она закрывала глаза и погружалась в полузабытьё: состояние, похожее на сон, но не дающее ни покоя, ни облегчения. В нём она видела обрывки прошлого. Иногда далёкие, почти стёршиеся. Иногда — такие близкие, что она приходила в себя с криком на губах.

Сегодня она увидела казнь.

Это был не сон. Слишком яркий, слишком отчётливый, слишком настоящий. Сны такими не бывают. Это был морок — чужое видение, навязанное извне. Его холод дошёл до неё раньше, чем картинка. Холод, что пробирался под кожу, в кости, в самую душу. Холод, который не имел ничего общего с зимней стужей.

"Это снова он, — пронеслось в ней. — Он нашёл нас".

Она стояла на площади. Той самой, где триста лет назад оборвалась их жизнь. Деревня Горелово — на берегу Смородины, в трёх днях пути от Чёртова Оврага. Здесь они родились, выросли. И здесь их казнили.

Площадь была заполнена людьми. Те же лица, что она помнила: кузнец Остап, что чинил их телегу; повитуха Добрава, что принимала роды у матери; староста Мирон с вечно недовольным лицом и его жена, завидовавшая красоте Яромиры. Все они смотрели на неё с ненавистью, страхом и — у некоторых — с тайным удовлетворением.

— Ведьмы! — кричал кто-то из толпы. — Они погубили урожай! Они наслали мор на скотину! Они пили кровь младенцев!

Зоряна хотела закричать, что это ложь, что они не делали ничего такого. Но голос не слушался. Она стояла у помоста, связанная верёвками, и не могла пошевелиться. Рядом сто-

яла Цветана — ещё живая, ещё не вампир, младшая сестра, какой она была триста лет назад. Смешливая, румяная, с тёмными косами до пояса. Она плакала. Плакала и звала маму.

— Мама! Мамочка! Где ты?!

Мать не отвечала, так как её уже увели — Зоряна помнила это, хотя сон пытался убедить её в обратном. Яромиру сожгли первой. Её крик до сих пор стоял в ушах. Иногда он возвращался в тишине, в темноте, в предрассветные часы, когда даже вампирская кровь стыла от ужаса.

— Зоря! — кричала Цветана. — Зоря, сделай что-нибудь! Ты всегда знала, что делать!

Она не знала. Она была старшей, всегда брала ответственность на себя, но в этот день она ничего не могла. Только стоять и смотреть, как палач подносит факел к помосту, на котором была привязана мать. Только слышать собственное сердце, отмеряющее последние секунды чужой жизни.

"Я не смогла защитить её, — билось в ней. — Не смогла защитить мать. Не смогла защитить никого. Просто стояла и смотрела".

Топор опустился.

Зоряна очнулась.

Рывком, словно вынырнула из ледяной воды. Села, хватая ртом воздух, который ей был не нужен. Руки дрожали. У вампиров — заложных — нет слёз, их тело мертво. Но когда боль становится невыносимой, когда проклятие трещит по швам, а внутри остаётся так мало человеческого, что оно рвётся наружу, — природа даёт сбой.

Из глаз Зоряны выкатилась слеза. Первая за триста лет. Упала на ладонь — и Цветана, сидевшая рядом, вздрогнула, увидев на коже сестры мокрый след. Лоб Зоряны покрылся инеем — влага, невозможная для вампира, но морок был так силён, что тело вспомнило, как быть живым.

— Цвета, — прошептала она. — Проснись.

Цветана лежала на снегу, свернувшись калачиком. Её лицо было искажено гримасой боли. Она тоже видела сон — тот же самый. Морок не выбирал жертв. Он накрыл обеих.

— Цвета!

Цветана открыла глаза. В них плясал навий огонь — ярче обычного. Села, обхватив колени руками, и несколько мгновений просто смотрела перед собой, не видя ни снега, ни леса, ни сестры.

— Я видела её, — сказала она. Голос тихий, надтреснутый, будто она долго кричала. — Видела мать. Она стояла в толпе и смотрела на нас.

— Это был морок, — отозвалась Зоряна. — Наваждение. Кто-то послал его.

— Кто-то? — Цветана повернула голову и посмотрела на сестру. — Или что-то?

Зоряна не ответила. Она достала из складок плаща клинок, завёрнутый в ткань. Развернула. Сестринский зуб лежал на ладони — чёрный, холодный, тяжёлый. И он дрожал.

Лезвие вибрировало, как струна, по которой ударили. Так дрожит земля перед подземным толчком. Так бьётся сердце, чующее опасность.

— Клинок чует его, — сказала она. — Того, кто послал морок. Того, кто пробудился.

— Кто? — спросила Цветана.

Зоряна закрыла глаза и нырнула в память. Зимний вечер. Печь, потрескивание дров. Мать сидит у огня, перебирает сухие травы и шепчет, скорее самой себе:

"Есть тот, кто спит под землёй. Он старше богов и злее самой смерти. Имя его не произносим — Велемир. Когда-нибудь он проснётся. И тогда вы должны быть готовы".

— Мать предупреждала нас, — сказала Зоряна. — Но мы не слушали.

— Мы не готовы, — прошептала Цветана.

— Значит, будем готовиться.

Зоряна встала. Завернула клинок обратно в ткань и спрятала в складках плаща. Ночь ещё не кончилась, но спать они больше не будут. Морок был предупреждением. Или угрозой. Или тем и другим сразу.

— Мы уходим? — спросила Цветана.

— Нет. — Зоряна повернулась лицом на север. — Ждём.

— Чего?

— Того, кто идёт.

1.4 ЧАША

Они ждали не в одиночестве — ждал и алтарь.

Старый камень в глубине оврага — то место, где мать поливала Чашу своей кровью. Зоряна стянула с клинка ткань, и Сестринский зуб лёг в углубление — чёрный, тяжёлый, знакомый до последней насечки. Кровь Яромиры, впитавшаяся в камень триста лет назад, на миг проступила по краям углубления тёмной рябью и погасла.

— Ночь он проведёт здесь, — сказала Зоряна. — Днём — с нами, ночью — в Чаше. Так было при матери. Так будет и теперь.

— А если его придут брать? — спросила Цветана.

— Материнская кровь его защитит. Ни одна тварь не подойдёт к алтарю.

Цветана смотрела на клинок и думала, что впервые за триста лет не чувствует его холода за пазухой — и это было похоже на потерю зуба: язык то и дело ищет пустоту.

Они вышли из оврага, когда луна перевалила за середину неба. И тогда Зоряна снова услышала звон — тот самый, что не давал ей покоя последние дни. Теперь он был ближе. Гораздо ближе.

— Идёт, — сказала она.

— Тот, о ком ты говорила?

— Нет. Другой. Человек. Один. У него есть знак — он горит.

— Мы убьём его?

— Возможно. Если он не согласится слушать.

Зоряна повернулась лицом на север, туда, где за елями темнела поляна.

— Идём. Встретим его на поляне. Там больше места. Не хочу драться в чаще.

Лес расступался перед ними, как вода перед тем, кто идёт по дну. Сёстры скользили бесшумно — две тени, две половины одного замка, который ещё не знал, что его ключ уже в пути.

ГЛАВА 2. ОХОТНИК В ЛЕСУ

2.1 СЛЕД

Пятый день Драгомир шёл по следу, и каждый шаг отзывался в груди пульсирующей болью.

Знак под рубахой горел нестерпимо, как в ту ночь, когда мать вырезала его на пороге дома. Он прижимал ладонь к груди и вспоминал: крики, запах крови, мокрую от росы траву под спиной. Её лицо над ним — бледное, но спокойное. Глаза, в которых уже не было страха, только любовь.

"Теперь ты — отмеченный, — сказала она тогда. — Ты будешь чуять их. А они будут чуять тебя. Это не проклятие, сынок. Это шанс".

Он не понял тогда. Думал — она бредит от потери крови. Понял позже, когда знак впервые вспыхнул болью, и он увидел упыря, прячущегося в овине. Увидел — и побежал. Не от страха, а от ненависти.

След, по которому он шёл, был странным: ступни отпечатались чётко, но снег под ними даже не осел. Две тени прошли по насту. Два следа, один за другим. Он знал, кто идёт впереди. Две вампира. Сёстры.

В ордене их имена были стёрты. "Нежить не заслуживает имени", — учил наставник Гервасий. Драгомир выучился ненавидеть. Но чем дальше он шёл, тем чаще в памяти всплывала мать — живая, с тёплыми ладонями и запахом сушёных яблок. Почему сейчас? Почему образ матери вставал перед глазами, когда он должен был думать только о мести?

"Почему я вижу её лицо? — думал он, сжимая рукоять меча. — Почему я не могу думать только о них?"

Ответа не было. Только тишина леса, давившая на уши, словно под водой. Даже лес боялся.

Знак на груди пульсировал, ведя его, как собаку ведёт запах дичи.

"Близко. Уже близко".

— Я иду за вами, — прошептал он в пустоту. — Слышите? Я иду.

Ответа не было. Только ветер тронул верхушки елей, и снежная пыль осыпалась на плечи.

2.2 ДЕРЕВНЯ

След привёл его к деревне.

Вернее, к тому, что от неё осталось.

Драгомир стоял на опушке и смотрел на покосившиеся избы, на чёрные провалы окон. Деревня была мёртвой. Не заброшенной, а именно мёртвой. Воздух пах сладковато-приторным, как гнилые фрукты. Тишина давила на уши, словно сама деревня кричала беззвучным криком.

Он шагнул вперёд.

Ветер вдруг поднял пепел, и Драгомиру показалось: среди мёртвых изб мелькнуло движение. Тени, которых не было, скользнули по стенам, пытаясь спрятаться. Он замер, прислушиваясь. И тогда услышал — еле слышный детский плач. Тонкий, надрывный, доносящийся откуда-то из глубины деревни.

"Ребёнок? — пронеслось в нём. — Там есть выживший?"

Он рванул вперёд, перебегая от дома к дому, но плач стих так же внезапно, как начался. Лишь ветер завывал в щелях, а тени на стенах продолжали свой безмолвный танец.

"Галлюцинация, — понял он. — Или морок".

Тела лежали повсюду. У колодца — женщина с распахнутым ртом и застывшим ужасом в глазах. На пороге избы — старик, уронивший голову на руки. В огороде — ребёнок, прижавший к груди игрушку. Все с одинаковыми ранами на шее. Все высушены до костей.

Драгомир считал их, переходя от дома к дому. Семнадцать. Двадцать три. Двадцать девять. Тридцать два.

"Тридцать две души, — пульсировало в нём. — И ни одной, кто сопротивлялся. Они умерли во сне. Или их парализовало от ужаса. Ни одна не поднялась. Тридцать две души — и ни одного боя".

В последнем доме он нашёл люльку. Ребёнок в ней был цел — не укушен, не высушен. Просто замёрз. Печь давно остыла. Мать лежала в дверном проёме — её выпили на бегу, когда она пыталась выскочить на улицу за помощью. Она так и застыла, вцепившись пальцами в косяк. Ребёнок не плакал. Он просто уснул и не проснулся.

"Может, они не все были монстрами? — шевельнулось в нём. — Может, среди них были такие же, как моя мать — пытающиеся выжить любой ценой?"

Он тряхнул головой, отгоняя сомнения. "Они убили. Они должны заплатить".

— Вы ответите, — прошептал он в пустоту. — За каждого.

Он вышел из деревни, не оглядываясь. Но теперь в его шагах была неуверенность, которой раньше не было. След вёл в Чёртов Овраг.

2.3 ПОЛЯНА

Поляну он нашёл к вечеру.

Она лежала в низине, окружённая кривыми елями. Снег утоптан. В центре — костровище с тёплыми углями. Они были здесь час назад. Может, меньше.

— Выходите, — сказал он. — Я знаю, что вы здесь.

Смех раздался из-за деревьев. Из тени выступила Цветана. Белая рубаха, венок из терновника, улыбка, не доходящая до глаз.

— Волк явился, — пропела она. — Забрёл в нашу чащу...

— За вами! — перебил он, сжимая рукоять меча. — Вы убили тридцать две души в Ольховке!

Улыбка Цветаны погасла.

— Мы не были в Ольховке. Мы туда не ходили.

— Я видел следы. И раны на телах. Это сделали вампиры.

— Это сделали не мы, — ровно ответила Зоряна.

— Ложь!

— Правда, — раздался голос из-за спины. Но ты не станешь слушать. Для тебя мы всегда виновны. Опусти меч, охотник, или нас всех убьёт тот, кто действительно пьёт деревни.

Драгомир замер. Он не слышал, как она подошла. Только холод — внезапный, пронизывающий до костей. Он медленно повернулся.

Зоряна стояла в пяти шагах. Пепельные волосы, ледяные глаза, смотрящие без страха.

— Мы пьём кровь, — согласилась она. — Но Ольховку мы не пили. И это не оправдание — это счёт.

— Ложь!

— Правда. — Зоряна не моргнула. — Ольховку высосали его слуги. Кормились по пути. Они не просто убивали — они высосали из деревни саму тишину. Тридцать две души. Теперь они пьяны чужой жизнью, их голод стал ядом. Обычная навь — голодная тень. Эти — отравлены чужой агонией. Поэтому они и были опасны. Мы — цель. Клинок у него. Если он возьмёт ещё и нас — завтра ночью будет ещё одна Ольховка. Только в десять раз больше. — Она шагнула ближе. — Опусти меч, охотник. Одна быстрая смерть здесь — или тридцать две там. Выбирай.

Он стиснул зубы. "Тварь есть тварь. Монстр есть монстр. Сомнение — слабость". Но что-то в её голосе заставило его замешкаться.

— Ольховка, — тихо сказал Драгомир. — Кто всё-таки убил её?

Зоряна посмотрела в огонь.

— Его слуги. По пути на север они кормились — набивали хозяину силу из чужих смертей. Тридцать две души, высосанные в страхе и отчаянии. Самая сытая пища.

— И они пришли к вам на поляну сытые, — понял Драгомир.

— Потому и были опасны. Обычная навь — голодная тень. Эти — накормленные.

2.4 НАВЬИ ТЕНИ

Зоряна открыла рот, чтобы добавить ещё что-то — но не успела.

Тени хлынули из пустоты, заполнив поляну за миг. Трое. Высокие, сутулые, с длинными руками до земли. Вместо лиц — провалы с холодными огоньками.

— Навьи слуги, — прошептала Цветана. — Велемир.

Имя повисло в тишине, тяжёлое и безмолвное. Знак на груди Драгомира вспыхнул болью — такой, что он едва не закричал.

— Отдайте клинок, — прошелестел голос. — Добровольно.

— У нас нет клинка! — крикнула Цветана.

— Врёшь, — прошелестела тень. — Мы чувствуем его холод. Он спит в вашей Чаше, старшая. Мы всегда знали где.

Молчание Зоряны ответило за всё.

— Тогда подойдите и возьмите, — сказала она, и голос её стал ледяным.

Она выбросила руку — волна холода накрыла поляну. Воздух зазвенел, земля покрылась коркой льда. Тени замедлились, но не остановились.

— Глупые, — произнесла тень. — Ваш холод не остановит нас.

Тень взмахнула рукой — вылетело ледяное копьё. Зоряна уклонилась.

— Бегите! — крикнула она. — Цвета, к алтарю! Пока они не добрались до Чаши!

— А он? — Цветана указала на Драгомира.

— Пропади он пропадом! Он нам враг!

Вторая тень атаковала охотника. Драгомир рубанул мечом — лезвие прошло сквозь тьму. Тень ударила его в грудь. Он отлетел в сугроб. Меч погас.

— Добейте его, — приказала первая тень.

Цветана смотрела на знак Драгомира — тот, что горел алым. Вспоминала отца, который встал с вилами против толпы. Вспоминала брата, который закрыл её собой. Вспоминала всех, кто погиб, защищая других.

— Нет! — крик вырвался сам.

Она бросилась вперёд. Навий пламень вырвался из ладоней стеной. Схватила охотника за ворот.

— За мной, волк! Или сгинешь здесь!

— Отпусти! — Он попытался вырваться, но кровь из раны хлестала, заливая снег. — Я не пойду с тварью!

— Пойдёшь! — Она рванула его в чащу. — Или хочешь, чтобы эти тени выпили тебя так же, как Ольховку?

Он замолчал. Его глаза — мутные, затуманенные болью — встретились с её глазами. И в этом взгляде она увидела то, чего не ожидала. Не ненависть. Удивление. Или, может быть, узнавание.

— Двигайся, — сказала она. — У меня нет сил тащить тебя на себе.

Он заставил себя подняться. Опираясь на её плечо, шатаясь, он двинулся в чащу. За их спинами Зоряна прикрывала отход.

— Держись, — шептала Цветана. — Держись, волк. Почти пришли.

2.5 СПАСЕНИЕ

Они добрались до оврага. Баня стояла, вросшая в склон, — старая, почерневшая, но ещё крепкая. Цветана втолкнула охотника внутрь и рухнула рядом.

Вошла Зоряна. Чаша в её руке треснула, и тёмная жидкость сочилась сквозь пальцы.

— Алтарь разорён. Клинка нет.

— Как?! — Цветана вскочила. — Ты же говорила — материнская кровь защитит его!

— Я думала, этого хватит. — Зоряна сжала кулак. — Но Велемир сильнее, чем мы предполагали. Его слуги пропитаны его волей. Материнская кровь стала для них просто водой.

— Нет...

— Пока мы бились, слуги Велемира взяли его. Сестринский зуб у Волхва.

Зоряна посмотрела на Драгомира.

— И теперь у нас только один союзник. Тот, кто хочет нас убить.

Цветана перевела взгляд на охотника. Его лицо было бледным, почти белым. Кровь всё ещё сочилась из раны. Знак на груди светился тусклым, умирающим светом.

— Мы должны спасти его.

— Зачем? — Зоряна резко повернулась к сестре. — Ты всегда была слишком мягкой, Цвета. Теперь из-за твоей жалости мы все в опасности!

Цветана выпрямилась. В её глазах вспыхнул навий огонь.

— Лучше быть мягкой, чем бездушной, как ты. Ты забыла, что значит быть человеком, Зоря. Я — нет.

— Я забыла, чтобы выжить! — Зоряна шагнула к ней. — Ты хочешь, чтобы мы умерли из-за него, или ради него? Ради охотника, который пришёл нас убить?

Маму тоже убили по обвинению. — Зоряна не повысила голоса, но воздух в бане стал ещё холоднее. — И что? Стало лучше? Её пепел не вернул нам солнце. Её смерть не отменила нашу.

Они замерли друг напротив друга. Тишина в бане стала плотной, как камень.

— Почему он отмечен? — тихо спросила Зоряна, не отводя взгляда. — Почему его знак так похож на наш?

Цветана покачала головой.

— Я не знаю. Но я знаю, что, если я позволю ему умереть, я буду такой же, как те, кто стоял у нашей плахи и смотрел.

Зоряна долго молчала. Её лицо было непроницаемым, но в глазах мелькнуло что-то, похожее на боль.

— Тогда перевязывай его, — сказала она наконец. — А я буду молиться духам этого места, чтобы они дали нам отсрочку.

Она отвернулась и подошла к окну. За стёклами выла метель.

Цветана опустилась на колени рядом с охотником. Её пальцы коснулись его раны. Кровь была горячей — она обжигала, но она не отдёрнула руку.

"Ты не умрёшь, — думала она, разрывая ткань на повязку. — Ты не умрёшь здесь".

Внезапно знак на груди Драгомира вспыхнул с новой силой — ярко, почти ослепительно, словно отвечая на присутствие клинка где-то далеко. Зоряна замерла у окна, почувствовав это. Она обернулась, и её лицо было бледнее обычного.

— Он чувствует его, — прошептала она. — Клинок. Он где-то там, и знак откликается на его зов. Он связан с ним. Как мы.

Цветана посмотрела на неё, не отрывая рук от раны охотника.

— Что это значит?

— Это значит, — медленно сказала Зоряна, — что он — не просто охотник. Он — часть того, чего мы не знаем. И если мы хотим вернуть клинок, нам нужен он.

За окнами выла метель. Где-то далеко, в Межмирье, у порога Трещины, Велемир держал в руках чёрный клинок и смеялся беззвучным, мёртвым смехом, чувствуя, как по нитям к нему течёт сила сестёр.

Он ждал.

Он умел ждать.

ГЛАВА 3. ВЫНУЖДЕННЫЙ СОЮЗ

3.1 ПРОБУЖДЕНИЕ

Он открыл глаза — и мир обрушился на него болью.

Тьма была густой, давящей на веки. Запах ударил в ноздри раньше, чем он успел сообразить, где находится: прелое дерево, зола, сладковато-травяная нота. Так пахнут старые веники под потолком бани. Он лежал на твёрдом и холодном — доски, покрытые вековой пылью.

Где-то капало. Кап-кап-кап. Звук отдавался в висках тупой пульсацией, словно кто-то бил молотом по черепу в такт падающим каплям.

Каждый вдох отдавался болью в раненом плече. Воздух казался ледяным — он вдыхал осколки стекла, и они резали горло изнутри. В ушах стоял звон, похожий на звук натяну-

той струны, готовой вот-вот лопнуть. Перед глазами плыли тени, рождённые болью и потерей крови. Ему казалось, что он видит лица: мать, стоящую на пороге; наставника Гервасия с его вечным недовольством; мёртвого младенца в люльке.

"Я умираю, — подумал он. — Это конец".

Драгомир попытался пошевелиться — и застонал сквозь стиснутые зубы.

Боль пришла не сразу. Сначала что-то липкое и холодное оторвалось от груди — ткань, пропитанная запёкшейся кровью, присохла к ране. Потом — острая вспышка в плече, простреливившая всё тело до кончиков пальцев. Он заставил себя сесть, опираясь о стену. Доски скрипнули под весом. Каждое движение вызывало новый всплеск боли.

"Живой, — мелькнуло в сознании. — Я ещё живой. Меча нет. Остался нож — простой, неосвящённый, найденный в Ольховке в одной из изб".

Воспоминания возвращались обрывками — как куски разбитого зеркала.

Поляна. Снег. Две вампирши. Он требовал ответа за Ольховку. А потом — тени. Копьё, пробившее плечо. Кровь на снегу. И голос — женский, молодой, звенящий: "За мной, волк!"

Он повернул голову. Шея хрустнула, мышцы заныли от долгого лежания на холодном полу.

В углу бани, на корточках, сидела Цветана. Она не спала — просто сидела, обхватив колени руками, и смотрела на него немигающим взглядом. В её глазах плясал слабый, призрачный огонь — навий пламень. Но сейчас он был тихим, почти угасшим, будто свеча на ветру. Тени под глазами стали глубже, кожа приобрела оттенок старого лунного камня. Она выглядела уставшей до предела — даже вампиры, оказывается, устают.

От неё исходил холод — не зимний, глубинный. Он пробрался в кости.

— Очнулась, — сказала она. Не вопрос, а констатация. Голос был тусклым, безжизненным, лишённым прежней игривости. Она устала не меньше него.

— Где я? — Его голос прозвучал хрипло, как скрип несмазанной двери. Горло саднило от ледяного воздуха.

— В бане. Заброшенной. — Она повела рукой, показывая на почерневшие стены, покрытые плесенью. — Здесь нас не найдут. По крайней мере, не сразу. Место намоленное — духи-хранители ещё здесь, но ослабли. Навьи слуги сюда не сунутся.

— Кого — нас?

— Мы это мы — ты, я и Зоряна. Моя сестра.

Драгомир скосил глаза. Зоряна стояла у окна, скрестив руки на груди. Не глядя на него, она смотрела в щель между ставнями, где за стёклами выла метель. Лицо её казалось бледной и неподвижной маской из белого камня, но в этой застывшей тишине угадывалось напряжение — тугое, как натянутая тетива. Мышцы тела были сжаты до предела: готова и к бою, и к бегству.

— Твари, — выдохнул он. Голос лишился силы, в нём остались лишь тени прежней ненависти. Она уходила, постепенно.

— Да. — Цветана не обиделась. — Твари. Но те тени на поляне — не наши родичи. Они служат тому, кто хуже нас. Тому, кто страшнее любой навьей твари и злее смерти.

— Кому?

— Велемиру, — ответила Зоряна, не оборачиваясь. В голосе звучал холод, но уже не ледяной, а горький. — Волхву-Отступнику. Тому, кто хочет сломать Коловрат и кто сидел в Межмирье тысячу лет.

Драгомир попытался вспомнить это имя. В летописях ордена упоминались еретики и чернокнижники — их имена заучивали наизусть. Но Велемир... Нет. Этого имени там не было. Или было — но вымарано. Выжжено. Стёрто из памяти мира.

— Ваш клинок, — сказал он. — Тот, о котором говорили тени. Что это?

Зоряна наконец повернулась. В её руке была чаша — та самая, глиняная. Она подняла её, показав трещину, из которой сочилась тёмная, густая жижа.

— Сестринский зуб, — сказала она. — Родовой клинок. Единственное оружие, способное нас упокоить. И единственный ключ к темнице Велемира.

— Темнице?

— Межмирье. — Цветана подняла голову. — Пространство между Явью и Навью. Его заточили туда тысячу лет назад старые боги, те, что уже ушли. Клинок был ключом. Мы — стражами. Так было задумано ещё до нашего рождения.

Она замолчала. Чаша дрогнула в пальцах Зоряны, и тёмная жидкость пошла рябью.

— Мы не знали этого. Мать не успела рассказать — её сожгли раньше. А теперь клинок похищен. Слуги Волхва взяли его, пока мы бились с тобой на поляне.

Драгомир стиснул зубы. Боль в плече отозвалась новой вспышкой. Он помнил, как Зоряна кричала: "Цвета, к алтарю! Пока они не добрались до Чаши!" Значит, они действительно что-то прятали. И теперь это что-то у врага.

— Если клинок у Волхва, — сказал он, — это конец. Так?

— Так. — Зоряна шагнула ближе. — Если он выйдет из Межмирья, Коловрат сломается. Времена года остановятся. Жизнь и смерть перестанут сменять друг друга. Всё замрёт. Навсегда.

— Тогда зачем вы спасли меня? Почему не оставили подыхать на поляне?

Цветана подняла голову. Её глаза встретились с его глазами. В этом взгляде не было ни ненависти, ни презрения. Он не знал, как назвать то, что было вместо.

— Потому что ты — отмеченный, — сказала она. — Ты тоже стоишь на грани. И потому что с тобой у нас есть шанс. Маленький. Ничтожный. Но есть. А без тебя — никакого.

Драгомир хотел ответить — но не успел.

3.2 ЗЕРКАЛО

В углу бани что-то замерцало.

Свет был тусклым, болезненным — подобным тлению в ночном лесу, свету, сочащемуся из трещин в старом алтаре. Зеркало, вмурованное между почерневшими брёвнами, вдруг ожило — с той стороны зажглась свеча. Его поверхность, покрытая паутиной трещин, начала светиться изнутри, поглощая темноту.

Послышался звук. Сначала тихий — похожий на шорох сухих листьев. Но он нарастал, превращаясь в скрежет, хруст и треск. Зеркало начало раскалываться, издавая звук, словно лёд под ногами. По стеклу побежали новые трещины, и от каждой исходил этот тошнотворный, леденящий душу звон.

Холод хлынул из зеркала. Он пробирал до костей, заставляя зубы стучать даже у вампиров. Он был могильным, древним, таким, какой царит в местах, где смерть была не концом, а началом. Холод шёл под кожу, в рану, замораживая кровь изнутри.

Зоряна отшатнулась. Её рука инстинктивно метнулась к груди — туда, где раньше был клинок. Она отдёрнула пальцы, словно обожглась о пустоту. Цветана застыла, её глаза расширились от ужаса, а лицо стало белее снега за окном. А Драгомир почувствовал, как знак на груди запульсировал: сильно, болезненно. Предупреждение об опасности.

— Что это? — спросил он, и рука дёрнулась к поясу, где должен был висеть меч. Но меча не было. Меч ордена был освящён. Навья тень коснулась клинка — и освящение умерло, как умирает огонь в залившей его воде. Осталось железо, чужое и мёртвое. Оно где-то лежит в снегу. Не страшно: живая сталь здесь всё равно не работает.

— Он, — прошептала Зоряна. Голос её дрожал — впервые с момента их встречи. — Слуги нас не нашли. Но он нашёл. Он всегда находит.

Поверхность зеркала подёрнулась рябью — как вода от брошенного камня. Рябь разошлась кругами — и застыла. Теперь в нём не отражалась баня. В нём отражалось нечто другое. Чужое. Давно забытое, но вдруг ставшее пугающе близким.

Каменные стены. Алтарь, покрытый трещинами, из которых сочился чёрный дым. И фигура — высокая, сутулая, сотканная из дыма и льда. Глаза — два провала, в которых горел чёрный огонь. Руки — длинные, узловатые, с когтями из обсидиана. И улыбка — не на лице, а в самой ткани реальности, разлом, похожий на оскал голодного зверя.

Велемир.

— Дочери, — произнёс он. Голос его был шорохом сухих листьев, звоном лопнувшей струны, скрежетом камня о камень. — Глупые, мятежные дочери. Как долго я вас ждал.

Зоряна шагнула вперёд, заслонив собой сестру.

— Что тебе нужно?

— Мне? — Велемир склонил голову набок. Движение было ломаным, птичьим. — Мне нужен клинок. Тот, что хранился в вашем роду и ради которого умерла ваша мать.

— У нас его нет.

— Знаю. — Он улыбнулся шире. Разлом-улыбка растянулся до самых краёв зеркала. — Он у меня. Мои слуги принесли его час назад.

Цветана вздрогнула. Её лицо было белее снега.

— Если он у тебя, — сказала она, и голос её дрожал, — то почему ты ещё там? Почему не вышел?

— Потому что клинок — это ключ, дитя. Но даже ключ нужно вставить в замок. Мне нужна ваша кровь. Кровь хранителей. Тогда врата откроются.

— Этого не будет, — отрезала Зоряна. — Мы не придём. Лучше умрём здесь.

— Будет. — Голос Волхва стал тише — и от этого страшнее. — Вы придёте. Вы уже идёте. Я слышал мир сквозь трещины в камне тысячу лет. Я вижу ваш путь — он ведёт к реке, к Празднику, к старой Ведунье. Вы попытаетесь найти способ разорвать мою связь с клинком.

Он потянулся к краю зеркала. Когти коснулись стекла — и оно треснуло с оглушительным звоном. Часть осколков посыпалась на пол, зазвенев, как битый лёд.

— У вас три дня пути, сёстры. Ровно столько, сколько идёт дорога до Праздника. Грань истончится в ночь Русалий — тогда и откроются Врата. Я не приду за вами. Врата сами придут за мной. И тогда я заберу всё: до последней снежинки, до последней капли крови, до последнего воспоминания.

Изображение исчезло.

В бане воцарилась тишина. Только метель выла за стенами да капли падали с потолка: кап-кап-кап.

Драгомир перевёл дыхание. Знак на груди всё ещё пульсировал, но слабее. Он посмотрел на сестёр. Зоряна стояла неподвижно, глядя на осколки зеркала. Её лицо было бледным, а в глазах застыла холодная решимость. Цветана сидела на полу, обхватив колени, и её плечи дрожали.

"Три дня пути, — подумал Драгомир. — Ровно столько времени, сколько у нас есть. И ни минуты больше".

3.3 РАНА

Первым заговорил Драгомир.

— Три дня, — сказал он. — Вы сказали, что не знали, зачем нужен клинок. Но он знает вас. Он знает всё. Почему?

Зоряна долго молчала. Потом опустилась на пол — просто села, как обычная женщина. В руках — треснутая чаша.

— Потому что он был там, — сказала она. — Когда нас казнили. Когда нас обратили. Он стоял в толпе и смотрел. Я не помню черты его лица, и стоял он в тени. Но теперь я знаю: это был он. Ждал, когда мы станем вампирами и хранителями.

— Зачем ему вы?

— Мы — замок. Так он сказал. Клинок — ключ, мы — замок. Наша кровь, наше проклятие — часть его плана.

— Нет, — резко сказала Цветана. — Не говори так. Мать любила нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.